

Внутри видимого царства, за занавесом, есть свое Зазеркалье. Тайнственное, как вуалетка, и обыденное, как громкое хлопанье упрямых дверей служебного входа. Именно там, в ЗАКУЛИСЬЕ, происходят самые невероятные, мистические истории. Без закулисья нет спектакля,

нет театра. В нем тот градус, который делает театр живым.

Закулисье — это интриги и сердечное участие, романы на всю жизнь и осколки былой любви, сломанный бутафорский пистолет и насхваченная булавкой порванная оборка королевского платья...

Зеркальные сказки брата ГРИМ

Э то театр начинается с вешалки. За кулисами — другое. Останови первую попавшуюся человекоуправляющую единицу и грозно, в упор: «Кто в закулисье главный?!» Не моргнут глазом: «Вахтеры!» Потом шепотом на ухо: «Они знают все!»

Между тем сидят энциклопедии закулисной жизни — геликоновские вахтеры — милые интеллигентные женщины-пенсионерки, отдавшие театру по десятку, а то и больше лет. Самая известная — ее на всякий случай побаиваются — Наталья Ильинична с двумя вузовскими дипломами, английским и чешским языками и псевдонимом КГБ за глаза. Про КГБ она, понятно, в курсе и даже гордится: не всем, между прочим, достается псевдоним.

Когда-то самого Бертмана не узнавала — правда, по безудной молодости главрежа, когда тот еще студентом только начинал делать театр. «Кто такой?» — строго спрашивала. «Это же Дима, — отвечали ей, — будущий гений».

Милые вахтеры живут точь-в-точь по великому Станиславскому: «У любви должно быть история. Любовь без истории — мимолетная встреча, случайное увлечение».

У них есть своя история любви и к «Геликону», и к Бертману. Они помнят первые спектакли, различают певческие тембры, ругают критиков, дают советы солистам по отточке вокала, обожают «Аиду», «Онегина» и эротическую «Леди Макбет», которая «детям до шестнадцати».

З акулье очень тесно. Особняк княгини Шаховской трещит по швам, вмещая в своих старинных стенах «Геликон» в обнимку с Домом медиков. Но сохраняет свою неповторимую энергетику. Здесь уютно и тепло и кажется, что в барочных завитках колонн прячется домовый.

Годами пробегая мимо неприметной двери в фойе, не предполагала, что пространство за ней обитаемо. Мрачноватое подzemелье с каменным потолком — готовая декорация к «Царской невесте». Но — всюду жизнь! Хозяйки грота — персонажи закулисья, без которых театру вообще труба. Уборщицы.

Нина Дмитриевна со товарищи без эстетских кружев определяет себя сурово, как солдат: «Мы — туалетчики».

Презентация Клуба друзей «Геликона». Стюарды в смокингах, дамы в вечерних туалетах, ароматы до-

рогий духов. По центральной мраморной лестнице, покрытой ковром, с рулонами туалетной бумаги наперевес поднимается Нина Дмитриевна. Покрасневший администратор укоризненно шипит: «Ни-и-ина Дмитриевна». «Так бумага всем нужна», — невозмутимо рушит та баррикаду. На всякий случай прячет рулоны за спину и успешно добирается до пункта назначения.

Лицо «Геликона» — не только артисты. В театре двадцать молодых стюардов (официально — помощники администратора).

Работа нехитрая, но требующая галантерейности обслуживания: рассадить зрителей на места, проводить опоздавших, успокоить недовольных, предложить в антракте шампанское. Желателен иностранный язык. Смокинги и бабочки — казенные. Туфли свои. Зарплата за вечерний спектакль 50 рублей минус 13 процентов налога. В месяц выходит рублей четыреста. А кто в театре за зарплату работает?

Однажды за пять минут до благотворительного спектакля к окошку администратора протиснулась старушка: «Я из общества слепых». «Сколько вас?» —

В РАСТРУБАХ «ГЕЛИКОНА»

спросил уставший администратор. «Три тысячи». — «И все уже у театра?» Представил огромную толпу слепых бабушек, которых долго везли на автобусе на Никитскую. Старушка буднично поправила: «Не-е-ет — это нас в обществе столько, а на спектакль пришли трое».

Стюарды жизнерадостны и склонны украсить скучную стюардовскую жизнь. На «Летучей мыши», прославившейся стопариками водочки, которыми угощают зрителей на балу у Орловского, любимый прикол — среди малюсеньких стопочек поставить на поднос двухсотграммовый стакан водки с ломтем хлеба и огромным огурцом.

Вопрос принципиальный: кто клонит на стакан? Итоги наблюдений: а) такого не бывало, чтоб не клевали; б) тот, кто клонит, успешно отбивается от жены и в антракте заказывает что-нибудь еще; в) степень клеветности не зависит от количества прочитанных книг.

В олодя Горохов, главный администратор «Геликона», зрителя любит и утверждает, что тот добрый и теплый. Среди прочих забот — одна, вечная: как рассадить 400 человек в зальчике на 250 мест. Володю боготворят старушки-театралки, которых он жалеет и пускает в зал без билетов. А они в благодарность по праздникам пекут ему пироги.

Однажды за пять минут до благотворительного спектакля к окошку администратора протиснулась старушка: «Я из общества слепых». «Сколько вас?» —

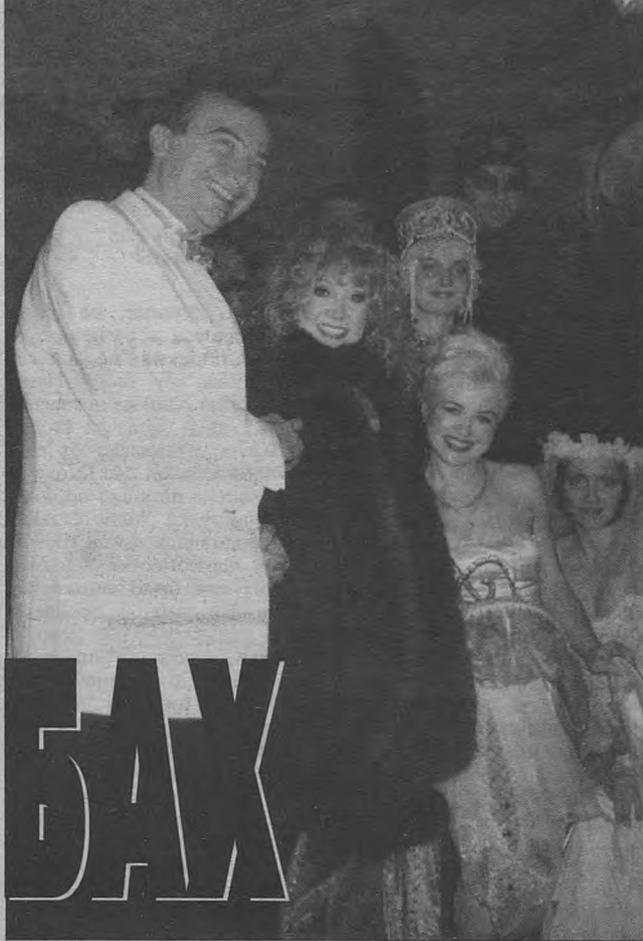
Таможня и геликоновский реквизит — отдельная ария.

Однажды, уезжая с «Кармен» на гастроли во Францию, забыли отправить старый «Фольксваген», в котором как раз вся сюжетная любовь и происходит. Чтобы избежать лишних таможенных оплат, машину распилили на части и втиснули в личные чемоданы.

Цирк начался в «Шереметьево» при досмотре багажа. Объяснения били таможенников наповал: «Эту раму от лобового стекла я люблю и везу показать своему французскому другу». Таможня никак не могла въехать, зачем эти ненормальные тащат во Францию мятые-пермятые запчасти.

Победила сила искусства. Настоящую песцовую шубу из «Сказок Гофмана» приходилось выдавать за крашеную собаку — не платить же за нее сумасшедшие для театра деньги. Или везет, к примеру, «Геликон» пару-трой-

Примадонна и маэстро

Стюард: «Глаза закрыл и вижу...»

ку тысяч фальшивых долларов, которые у себя же в театре на ксероксе и печатает для «Кармен», «Леди Макбет» и «Травиаты». Бедные таможенники всякий раз просвечивали ультрафиолетом толстые пачки валюты и зверски точили зубы на театр.

Но мудрый Бертман однажды взял и ввел в «Золотого петушка» пару персонажей-таможенников, а форму для артистов заказал... в таможне. И государственная граница переместилась в оперу — все начальство перебывало...

Случится быть в «Шереметьево» — поинтересуйтесь, какой у таможенников любимый театр.

Бертман знает, что артисты всегда голодны, и делает спектакли с едой. В «Евгении Онегине» — яблочный пирог. В «Травиате» — виноград. В «Мазепе» — трехкилограммовый арбуз как режиссерская метафора отрубленной головы Кочубея. Арбуз, отыгравший образ, съедается молниеносно. В «Кармен» — сырое мясо, которое разделяют бандиты на мусорном баке. Кусок отборной телятины перемещается в общежитие и там съедается без обид — кому достанется.

Кстати, проблем взаимоотношений звезд-солистов и хора, как в других театрах, за кулисами не существует. Большинство артистов живут в общежитии. Коридорная система с парой туалетов и душевых на весь этаж. Но в общагу рвутся даже те, у кого есть квартиры. Здесь все демократично и весело — никаких субординаций.

Т рудности костюмерного цеха — банальный жилищный вопрос. Небольшая комната с единственным окном плотно набита костюмами, как темница невольниками. Здесь даже моль заводиться не хочет — летать негде, крылья не расправишь. Костюмы пачкаются быстро, но их чистят, только когда у театра

общее подивились: «Ну, ребята, ваша работа — как ручная сборка «Ролс-ройса»...»

В театре действительно нет практически никакой машинерии. «Механизировать» старинное здание, особняк княгини Шаховской, невозможно. Памятник архитектуры — стены ветхие, почти картонные. А когда появится обещанное московским мэром новое здание — никто не знает. Известно только, что госбюджет всегда трещит по швам.

Без директора театра никакой полет творческой мысли невозможен: все упирается в деньги.

Тагильцев, которого зовут как Пушкина, Александр Сергеевич, плохо спит ночами, крутится колесом. Только по штатному расписанию на нем 398 человек. Деньг хронически не хватает, бюджетных — только на зарплату. А хозяйды, а аренда! За просрочку — штраф. Нужны помещения, стулья, музыкальные инструменты, новые прожектора, мебель да просто швабры. Человечек-тест: плачет и смеется — спектакль удался, бегаёт и ругается — дело плохо. За кулисами привычный диалог: «Ну как спектакль?» — «Нормально! Тагильцев плакал».

З акулье — то, что ниже ватерлинии геликоновского корабля.

И корабль непотопляем. У его команды — маленькая зарплата и скромный быт. Но матросы хранят тепло очага и не покидают судно. Потому «Геликон» устойчиво плывет. Вот уже одиннадцать лет.

● Людмила СТОЛЯРЕНКО
Фото автора

Отказывать неприятно, но... см. табличку

Бертман: «Держи-и-и-те счастье!»